

**Н. Ф.
ФЕДОРОВ**

Узбранное

Николай Федорович Федоров Лакейский аристократизм

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2695945*

Аннотация

«Говоря о бесконечных пассивных, бессознательных «возвратах», а не о едином, активном, сознательном возвращении – воскрешении – не верх ли непоследовательности, нелепости и нелогичности изречь, как заставляет Ницше своего Заратуштру, следующее предсказание: «ты еще раз, и еще бесчисленное число раз должен пережить эту жизнь!» Подумайте: разум заповедует переживать неразумные состояния, заповедует самого себя лишиться разума, чтобы потом опять приобретать его, и так – до бесконечности!..»

Николай Федорович Федоров

Лакейский аристократизм

Говоря о бесконечных пассивных, бессознательных «возвратах», а не о едином, активном, сознательном возвращении – воскрешении – не верх ли непоследовательности, нелепости и нелогичности изречь, как заставляет Ницше своего Заратуштру, следующее предсказание: «ты еще раз, и еще бесчисленное число раз должен пережить эту жизнь!» Подумайте: разум заповедует переживать неразумные состояния, заповедует самого себя лишиться разума, чтобы потом опять приобретать его, и так – до бесконечности!..

Принимая или предполагая пассивные возвраты, человек, как всякая вещь или явление, не может не возвратиться; но возвращается он, по Ницше, не сознавая своего возвращения. Но если так, то для существ сознающих возвратов вообще не существует. Если же предположить, что их столько же, сколько было бывших, бесчисленных переживаний, то это будет лишь предположением, которое можно и признавать, и опровергать, – одно из тех предположений, которое могли бы, пожалуй, принять и все сверхчеловеки, если только сверхчеловечество равносильно суеверию. «Вечные песочные часы бытия постоянно вновь пересыпаются, а с ними и

ты, ничтожная пылинка», – говорит сын пастора (Ницше). Почему же ты, а не я с ними, ничтожная пылинка?.. И почему ничтожные пылинки (человеки и сверхчеловеки), обладая сознанием своей (индивидуальной, обособленной) малости, не могут соединиться и составить силу, сознающую себя и собою управляющую?.. Почему акт «пересыпания из пустого в порожнее», каков он теперь, не станет тогда сознательно регулируемым и содержательным?.. Почему, спрашиваем мы, если допускать предыдущее, бессмысленное предположение, не допускать этого, осмысленного?.. Ведь только допуская и его (этот второй вариант), все предположение о возвратах вообще, вся эта произвольная пока гипотеза могла бы найти или свое подтверждение или свое опровержение. Допущение же возможности единства между песчинками, единства вещественного, имеет, конечно, несравненно более твердое основание (чем противоположное предположение). Полагаться на гипотезу пассивных возвратов или приходиться в отчаяние от нее – это конечная вершина безумия и нелепости.

Но злополучный Ницше так напуган этим призраком, что ради него задумывает пересоздать жизнь; чтобы можно было иметь желание жить такую жизнью, ему надо было ее сделать достойною желания, божественною. Если бы Ницше не был одержим *лакейско-аристократическою* нравственностью и филистерскою ученостью, не признающею разума не только в городской и интеллигентной сволочи, но и в мужиках, не

подвергшихся влиянию города (сам он, однако, восхищался шляхетско-польским «*liberum veto*», а не русским «мирским» единством, создававшим в единый день целый храм!), он естественно пришел бы к учению об объединении всех живущих, всех сынов для воскрешения всех отцов. Учение о воскрешении есть, конечно, демократическое, в смысле универсализма; но оно выше всякого аристократического, ибо делает воскресших не *лучшими*, а *хорошими*, до чего не сумел возвыситься тщеславный пан Ницше. Христианское учение о рае и аде, о святых и грешниках, высказанное в смысле угрозы и условно, он заменил делением на сверхчеловеков и на сволочь, пародией на рай и ад. И вот эта-то карикатура должна будто бы сделать жизнь достойною, божественною! Такова апофеоза жизни и человека!..

Ницше показалось трусостью не принять отвратительное учение о возвратах, и он принял его; но под кажущимся улучшением таилось лишь еще большее ухудшение: предположение о пассивных возвратах заставило прибегнуть к новой гипотезе – о сверхчеловеке.

Вопрос о «сверхчеловеке», если «человека» признать за «*окончательную форму*», будет вопросом о выдающихся гениальных *исключениях* и о создании и воспитании подобных личностей из среды человеческой породы, остающейся *неизменною*. Произведя отбор, одних следует предназначить к улучшению, а других предоставить своей судьбе.

Но Ницше, как ученый филистер, совершенно неспособен

понимать значение и ценность *действия*: вместо того, чтобы сосредоточить его в сознательных и волевых существах, он предоставляет его безвольной и слепой силе. Сверхчеловек при таких условиях есть не более, как счастливая случайность, результат отдельных удачных случаев из самых различных местностей и среди самых различных культур. Во всем процессе формирования сверхчеловека имеются в виду не семьи, не народы, не большинство и не все люди, а лишь немногие единицы, исключительные личности – гении. И только этим привилегированным, единичным личностям дарует ученый филистер привилегию действия: «истинные философы – повелители и законодатели; они вещают: «так должно быть!» (то есть так, как им кажется); они определяют стремления и цели людей; они творческую рукою касаются будущего; их познание есть творчество; их творчество есть законодательство»; все же, вместе взятое, (добавим мы) есть не что иное, как стремление к господству, та «воля к власти», которая столь любезна Ницше.